

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Пропажа

«Был зимний вечер. В крестьянской избе горела лучина; на конике сидел ветхий старик высокого роста, в одной рубахе, с расстегнутым воротом; он плел лапти и сурово посматривал на баб, хлопотавших близ печки. Старуха и одна молодая баба вынимали из лубочных сундучков рубахи, онучи, нитки и запихивали их в мешок, в который прежде положена была вареная каша и коврига хлеба...»

**Николай Васильевич
Успенский
Пропажа**

Был зимний вечер. В крестьянской избе горела лучина; на конике^{1} сидел ветхий старик высокого роста, в одной рубахе, с расстегнутым воротом; он плел лапти и сурово поглядывал на баб, хлопотавших близ печки. Старуха и одна молодая баба вынимали из лубочных сундучков рубахи, онучи, нитки и запихивали их в мешок, в который прежде положена была вареная каша и коврига хлеба.

Бабы собирали в дорогу мужика Антипа, который на дворе насыпал два воза муки. В избе было тихо, только слышался шепот баб:

– Хресточек-то не забудь, а портки-то положи вниз... под хлеб-то пихни.

– Лапти положите пуще всего, – заговорил старик.

– Положили, положили... – сказали бабы... – не забудь, матушка, сольцы...

Старик начал стучать по лаптю кочатыгом^{2} и говорит:

– Дорога дальняя, обужа первое дело; на дороге бог знаешь за что отдашь полтину али семь гривен...

Уставшие бабы завязали мешок и сели друг против друга:

– Не забыть бы чего?., дай бог память...

– Кажись, не забыли...

Старик перестал стучать и исподлобья посмотрел на баб, желая сделать им выговор, если они что-нибудь забыли.

На дворе под навесом Антип таскал из амбара муку и говорил стоявшему у саней другому мужику, соседу:

– Старик одно слово! иной раз пужанет чем ни попадя; однава ошарашил меня – шесть недель пролежал... Семая! – заключил он, бросив меру муки в сани.

– Семая! – повторил другой мужик, разравнивая муку.

– Однава дыхнуть, – говорил Антип, нагибаясь в закорм, – не чаю, коли он помрет... хоть и отец... Кабы я был сам хозяин-то, да один в доме-то!.. а то всякое дело из рук валится... шкалик, шкалик, братец ты мой, иной раз и то боишься выпить.

– Известное дело...

– Уж и постыла эта жизнь, подумаешь!..

Мужики зашпилили веретья⁽³⁾ и увязали воз веревкой; в углу двора фыркали лошади.

– В ночь поедете?

– В ночь...

Антип и его сосед пришли в избу.

– Насыпал? – спросил старик. Антип бросил у печки шапку и, потирая руки у печурки, неохотно произнес:

– Насыпал...

– Скоро мужики-то поедут? – опять спросил старик.

– Кто их знает... хотели в ночь...

– Тогда, чай, скажут, – проговорила баба. Сосед присел на хоры и, искоса поглядывая на старика, начал:

– А небойсь теперь в Москве дорог хлеб-то?

– Вестимо, небойсь дороже здешнего... так было спокон веку, – сказал старик, – наше дело – тем кормимся.

– Точно, – продолжал сосед, – пропитание, стало быть, наше... ведь он, батюшка, хлебушек-то, как походишь за ним да постарайся, он тебе и отплотит, а будешь лежать, ни рожна не будет!..

– Видно, так надо сказать, – возгласил старик, намереваясь сказать помудренее, – часто и от глупости нашей не бывает ничего.

– А то что же? – заметил сосед, – от глупо-

сти и есть!

– Тоже от гордости, – продолжал старик, – иной, прости меня господи, кричит: «Я богат!» – а что, мол, ты богат? что в тебе есть? – У старика слегка задрожали руки.

– Стало быть, богатство-то наше не под нужду, – заметил сосед.

– А завсегда надо богу молиться! – возопил старик, – еще от дедов идет история...

Старик потащил из угла лыки и сказал:

– Без бога не до порога.

– Да! – отвечал сосед, – видно, что попросишь бога, то и есть.

Кто-то постучал в окно и крикнул:

– Эй, Антип! запрягай лошадей!

Через четверть часа вся семья стояла перед образами.

– Зажгите, бабы, свечи Флору, Лавру, – сказал старик, – надо об лошадях помолиться... Ну, Антип! – простившись с сыном, воскликнул он, – смотри денег попусту не трать да лошадей береги: ежели что случится, прямо говорю: лучше не показывайся на глаза! Ступай с богом!..

Ночь была не лунная, но видная; по дерев-

не ехал большой обоз. Антип съехал со двора и вскоре смешался с обозом.

– Тппру!! куда тебя занесло? куда в бучило идешь? – раздавались голоса.

Через несколько времени обоз выехал на большую дорогу; мужики шли кучами близ лошадей, разговаривая про то, сколько кто насыпал хлеба, не взял ли кто с собой лишней оглобли, хомута; иногда мужики толкали друг друга и подсмеивались, у кого какая жена. Всех мужиков в обозе было человек до двадцати.

– Уж и чудна Андропова жена! – говорил один, – бой баба! Надьсь, когда у нас стояли солдаты, муж ее приколотил, а она приходит к нам и говорит: «Хоть без ребрышка быть, да солдатика любить!»

Наступила полночь. Обоз проехал верст десять. Разговоры между мужиками прекратились; кто сидел на возу и спал, кто шел и дремал; иного мужика так клонило ко сну, что, не владея собою, он или падал в снег, или шел в противоположную от обоза сторону, то есть назад, и приходил в себя тогда, когда натыкался на оглоблю или на товарища, который

кричал ему: «Ай домой попер?..»

Обоз проехал еще пять верст; почти все мужики лежали на возах; не дремал один только передовой; он сопутствовал своей лошади и тихонько напевал:

*Девка по саду гуляла,
Красоту теряла.*

Обоз въехал в большое село, в котором кое-где светился огонь, не исключая и кабака, стоявшего среди пустой улицы.

Передовой уже проехал село и стал приближаться к большому лесу, тянувшемуся вокруг села, как услышал позади обоза голос:

– Стой, стой!.. – обоз остановился. – Братцы! Не выдавайте! – кричал кто-то.

Все мужики слезли с возов и побежали по направлению к голосу; вскоре они окружили Антипа.

– Братцы! у меня лошадь пропала! – кричал он.

– Как так?

– Да я было вздремнул, проснулся, хватать – лошади нет! Братцы, заступитесь! – отчаянно вскрикнул Антип, – мне теперь одно остается:

удавиться... без мерина... теперь к отцу и не показывайся!

Мужики понимали всю справедливость слов Антипа, зная его отца.

– Эй, ребята! – крикнул один мужик, – поедем на моей лошади!

В одну минуту мужики перетащили на другой воз муку, и человек восемь засели в порожние сани. Оставшиеся мужики собрали всех лошадей в кучу и стали ждать, чем кончится дело.

Розыщики неслись с Антипом в село.

– Вон, кажись, у дверей стоит баба, – заговорили мужики. – Тетушка! не видала тут лошади с возом?

Баба молчала, держа на груди под занавеской свои руки, наконец проговорила:

– А много дадите?

– Сколько возьмешь?

– Полтинник.

– Ребята! лошадь дороже стоит!

Бабе дали деньги, и она, подходя к саням и показывая рукой вперед, тихо начала:

– Вон второй дом от меня проедете, заверните за угол; туда два молодца провели ло-

шадь.

Мужики скрылись в проулке. Спустя немного раздались голоса:

– Тащи! волоки наружу! сымай кафтан! на улицу перва! в сани вали!..

Шум поднялся такой, что вскоре вся улица была запружена проснувшимися сельскими мужиками, из которых иные прибежали в одних рубахах и без шапок.

Поутру в окна одного постоянного двора ярко светило солнце, озаряя красные лица мужиков, сидевших за большим самоваром и не первым штофом водки. Хозяин в красной рубахе и жилетке, упершись кистью своей руки в стол, внимательно слушал рассказы мужиков о случившемся событии.

Мужики все были навеселе; они о б м ы в а л и Антипа.

Комментарии

1

Коник – лавка для спанья в виде ларя с подъемною крышкою, обычно являющаяся койкой хозяина избы.

[^^^]

2

Кочатыг – особое шило для плетения лаптей.

[^^^]

Веретье – дерюга, сшитая в три-четыре полотна для подстилки в сани или телегу под хлеб и покрытия его при перевозке; ткалась из оческов льна или конопли.

[^^^]